

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 12**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 12**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 12 / С. М. Соловьев —
«Public Domain», — (История России с древнейших времен)

В одиннадцатом и двенадцатом томах сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» излагаются события в царствование Алексея Михайловича, т. е. освещается отечественная история примерно с конца 50-х до середины 70-х годов XVII в.

© Соловьев С. М.

© Public Domain

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен.

Том 12. Окончание царствования Алексея Михайловича. 1645–1676 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Вести от Брюховецкого о турецких замыслах; доносы на Запорожье и на епископа Мефодия. – Убиение царского посланника Ладыженского я Запорожье. – Письма кошевого Васютенка к Брюховецкому по этому случаю – Следствие по козацким жалобам на полтавского воеводу. – Увещательная царская грамота к козакам. – Сношения с Дорошенком. – Неудовольствия епископа Мефодия на Москву и примирение его с Брюховецким. – Наговоры Мефодия на Москву. – Тукальский сносится с Брюховецким и склоняет его окончательно к измене. – Начало волнений в Малороссии. – Царская грамота к Брюховецкому по поводу этих волнений. – Решительное восстание против московских воевод в малороссийских городах. – Грамота Брюховецкого на Дон. – Внушения польские против козаков. – Движения князя Ромодановского. – Татары и Дорошенко на восточном берегу Днепра. – Гибель Брюховецкого. – Дорошенко удаляется на западную сторону, и восточная снова тянет к Москве. – Наказной гетман Демьян Многогрешный. – Архиепископ Лазарь Баранович и протопоп Симеон Адамович. – Грамота Барановича к царю с увещанием простить малороссиян и вывести от них воевод. – Последняя деятельность епископа Мефодия. – Татары провозглашают нового гетмана – Суховеенка. – Затруднительное положение Дорошенка. – Сношения его и Многогрешного с киевским воеводою Шереметевым. – Большое малороссийское посольство в Москве. – Письмо протопопа Симеона Адамовича, к царю. – Разговоры Многогрешного и Барановича с посланцем Шереметева. – Глуховская рода: избрание Многогрешного в гетманы. – Сношения с Польшею и Швециею. – Король Ян-Казимир отрекается от престола. – Вопрос об избрании в короли польские царевича Алексея Алексеевича. – Последняя служба Ордина-Нащокина. – Переписка его с царем. – Избрание в польские короли Михаила Вишневецкого. – Съезды Нащокина с польскими комиссарами. – Удаление Нащокина в монастырь. – Польские послы Гнинский и Бростовский в Москве. – Дело о возвращении Киева и о союзе против турок. – Русское посольство в Турции. – События в Крыму.

В то время как Москву занимали важные события, с одной стороны, окончание тяжелой тринадцатилетней войны, с другой – небывалый собор в присутствии двух патриархов восточных, осуждение и заточение Никона, решение раскольничьего вопроса, – в это время, т е в конце января 1667 года, посланцы Войска Запорожского каневский полковник Яков Лизогуб и канцелярист Карп Мокриевич подали информацию от боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкого. По-прежнему боярин и гетман просил помощи против неприятелей и тогобочных изменников и объявлял свое плохое и недостойное разумение, чтоб не принимать просьбы крымского хана о мире: «Бусурманин хочет только оплошнить миром и потом напасть на города малороссийские; купцы греческие рассказывали за верное, что султан велел воеводам молдавскому и волошскому идти войною на Украйну; мир весь опасается приходу бусурманского и

изменничьего и бьет челом о прибавке ратных людей в города малороссийские; при боярине и гетмане с воеводою Протасьевым государевых ратных людей нет, все разбрелись по домам; в изменничьем городке Тарговице по указу ханскому, а по просьбе Дорошенка бусурманским именем начали деньги делать, чтоб этими деньгами, будто серебряными, а не медными, всяких людей к бусурманской мысли приклонять; Чигирин и другие изменничьи города надобно вконец разорить, потому что, пока они будут стоять целы, Украине не будет покоя; боярин и гетман, по христианскому обычаю, ради царя и веры православной велел построить церковь Сорока мучеников под Конотопом, на месте побоища: бьет челом, чтоб государь помог на церковное строение из казны и на колокола дал две пушки; да будет царскому величеству ведомо о бесчинии некоторых духовных лиц: людям обоего пола беззаконно жить и разводиться позволяют; пожаловал бы великий государь митрополита на митрополию Киевскую, который бы всякое бесчиние уничтожал: духовенство двоедушествует, а как от патриарха московского на митрополию Киевскую прислан будет митрополит, то все шатости на Украине прекратятся. Жена покойного Богдана Хмельницкого приехала в Киев с изменничьей стороны, с нею дочь Гришки Гуляницкого, и живут в Печерском монастыре; во всех государевых городах воеводы позволили мужикам вино курить и продавать сколько кто сможет: это дело недостаточное, от него вырастают бунты, лесам умаленье и хлебам убавка; велел бы великий государь воеводам заказ учинить, чтоб, кроме козаков, мужикам не курить вина». Наконец посланные объявили о винах нежинского полковника Матвея Гвинтовки: будучи в Москве, он не хотел приложить руки к статьям; по возвращении из Москвы съехались к гетману полковники и объявили о неправой службе Гвинтовки; в прошлом году под Чигирином показал явную измену, и когда гетман стал ему за это выговаривать, то Гвинтовка отвечал: «Нигде не ведется, чтоб свой на своего воевал». Да он же научал гетмана собрать раду и положить булаву. Теперь, объявили послы, Гвинтовка сидит в Гадяче за караулом, а на его место выбрали со всею старшиною Артема Мартинова.

С ответами на все эти статьи и с объявлением о заключении Андрусовского перемирия отправился в Малороссию стольник Телепнев. За службу и остерегательство насчет хана великий государь жаловал гетмана, милостиво похвалял; ратные люди в малороссийские города присланы будут вскоре; о митрополите в Киев царский указ будет впредь: с Гвинтовкою указал государь учинить по войсковым правам чего доведется. Боярин и гетман после торжественного молебствия о всемирной радости, о замирении с поляками объявил Телепневу, что турецкий султан сам хочет идти войною на поляков под Каменец, который хотят сдать ему армяне. Потом гетман стал просить, чтоб государь указал ему быть в другом городе, а в Гадяче быть ему не у чего – место пустое; по-прежнему Иван Мартынович предостерегал насчет Запорожья: «Козаки идут толпами в Запороги; надобно в Койдак и Кременчуг как-нибудь ввести ратных людей, чтоб в Запорожье хлеба не пропускать; а когда в Запорожье будет козаков многолюдство, то ждать от них шатости».

От боярина и гетмана Телепнев отправился в Киев к боярину и воеводе Шереметеву, от которого услышал жалобы на козаков: «Мещанам от козаков чинятся налоги большие, и мещане бредут врознь; а в Киеве ратные люди от голоду бредут врознь; конных и пеших людей всего в Киеве 3177 человек».

Скоро пришли новые вести от Брюховецкого о Запорожье вместе с доносом на епископа Мефодия. «Скорее, как можно скорее прислать ко мне ратных людей, чтобы народ на этой стороне Днепра в отчаяние не приходил, – писал боярин и гетман. – Запорожских козаков всякими гостинцами обсылаю, на доброе дело всячески уговариваю, только бы мне в этом деле двоедушные духовные особы не были препоною и запорожцам на всякое зло поджогию, как, например, преосвященный епископ мстиславский: с его поджоги невинная кровь христианская разливается; теперь, когда этого епископа здесь, на Украине, нет, то многим кажется, что другой свет стал; пусть епископ живет в Москве или где будет угодно государю, только бы не в городах, близких к Запорожью; и переяславские бунты не легко бы укротились, если бы прошлого

года епископ не уехал в Москву. Епископ уговорил епарального судью Петра Забелу послать сына своего в Запорожье, зачем? Сам Забела состарился, а в Запорожье не бывал; сыновья его и подавно, были только у польского короля и привилегии себе повыправили; а теперь умыслил сына в Запорожье слать, людьми мутить и запорожцев на зло уговаривать. Бью челом великому государю, чтобы не велел видаться на Москве с епископом козакам, которые от меня приезжают, особенно запорожцам: он их научает на всякое зло. Некоторые из них мне сказывали, что епископ тайно призывал к себе голодных запорожцев и жаловался, будто по моей милости ему казны с дворца не доходит».

Опасения Брюховецкого насчет Запорожья сбылись, не помогли его гостинцы! В апреле месяце переправился за Днепр стольник Ладыженский, ехавший в Крым вместе с ханскими гонцами. На дороге пристало к ним человек полтораста запорожцев, которые зимовали в малороссийских городах, ночевали вместе две ночи спокойно, но на третий день напали на татар и перерезали их, имение пограбили и скрылись. Приехавши в Запорожье, Ладыженский обратился к кошевому Рогу с требованием, чтобы велел сыскать злодеев, а его, стольника, проводить до первого крымского городка. «Воры учинили это злое дело без нашего ведома, – отвечал кошевой, – в Сечу к нам не объявились, и сыскать их негде». Через несколько дней собралась рада, после которой козаки захватили у Ладыженского все бумаги и казну, пересмотрели и спрятали в Сечи, а Ладыженскому объявили, что его не отпустят, потому что к ним нет грамот ни от государя, ни от гетмана.

Как скоро узнали об этом в Москве, то в Гадяч к Брюховецкому поскакал хорошо знакомый с Малороссиею стольник Кикин «Вам бы, – говорил он боярину и гетману, – службу свою и раденье показать, послать в Запороги верных и досужих людей, чтобы кошевой и все войско про то про все разыскали наскоро, воров казнили смертию по стародавним войсковым правам, пограбленное отдали сполна и стольника Ладыженского отпустили». Но Ладыженский был уже отпущен.

12 мая зашумела новая рада в Запорожье: скинули с атаманства Ждана Рога, выбрали на его место Астапа Васютенка и начали толковать об отпуске Ладыженского; решили отпустить. Тут старый атаман Рог повел речь, что надобно сыскать тех козаков, которые побиили татар «Чего сыскивать? – закричали ему из круга. – Сам ты про то ведаешь, татарская рухлядь теперь у тебя в курене». Побежали к Рогу в курень и принесли вещи на улику. «Это мне принесли в подарок козаки, – отвечал Рог, – а того не сказали, где взяли». Тем дело и кончилось в Сечи. Сам кошевой Астап Васютенко с 40 козаками отправился провожать Ладыженского вниз по Днепру; но едва отъехали они от Сечи версты с две, как нагнали их козаки в судах и велели пристать к берегу. Москвичи повиновались; козаки раздели несчастных донага, поставили их на берегу, окружили с пищалами и велели бежать в Днепр, но только что те побежали, как вслед за ними раздался залп из пищалей; смертельно раненный Ладыженский пошел ко дну; других пули не догнали, и они были уже близко другого берега, но убийцы пустились за ними в лодках, захватили и перебили. Объявивши таким запорожским способом войну Москве, козаки начали толковать, чтобы быть в соединенье с Дорошенком и выгонять московских ратных людей из малороссийских городов, не давать московскому царю никаких поборов с отцов своих и родичей. Запорожцы хвалились, что полтавский полковник на их стороне, и действительно, стоявший в Полтаве воевода князь Михайла Волконский дал знать государю, что между полтавцами шатость большая: «От полтавского полковника козакам и мещанам, которые тебе, великому государю, хотят верно служить, заказ крепкий, с большим пристрастием, чтобы ко мне никто не ходил и с твоими русскими людьми никто не водился, а кто станет водиться, тех хотят побивать до смерти; мещанам, которые выбраны к таможенному сбору в целовальники, полковник грозит большим боем, чтобы с проезжих людей на тебя, государя, возовых пошлин не брали».

Гетману Брюховецкому дал знать об убийстве Ладыженского сам кошевой Васютенко. «Грустна нам нынешняя весна, – писал Астап, – никто о целости народа нашего не заботится;

за грехи наши и тот, кто прежде нам хлеб давал, теперь камень дать замыслил. Не знаю, кто бы был благодарен за камень, потому что он на пищу не потребен. Царское величество тешит нас листами бумажными, как детей яблоками. Пишет нам, чтоб мы верно служили, а сам, заключивши мир с королем польским, тотчас с тем же и к хану отзывается, обещая за его дружбу нам всего умалить, что, как видим, уже и начал. За что бедных людей, войною разоренных, так стесняют? Не один лице свое кровавыми слезами оmyвает. Не хочет государь нас, птенцов своих, под крылами держать: так милосердие божие избавит от такого ига горького, которое прежде было сахарно. Человек, желая устроить ниву для потомства, прежде терние из нее вымечет – так и предки наши, не жалея здоровья, терние из отчины своей выметывали, чтобы нам вольность уродила, которую считаем самую дорогою вещью, ибо и рыбам, и птицам, и зверям, и всякому созданию она мила. Река великая много иных речек преодолает: так и всемогущего бога помощь все замыслы земных монархов превозможет. Не довелось не только делать, но и мыслить о том, чтоб нашу отчину к последнему разорению привести, на которое смотря и самый злой зверь, если бы имел человеческий разум, мог сжалиться. Знаю, что и стольник (Ладыженский) без ведома нашего смерть принял за то, что в городах великие обиды от них люди терпят. Однако, оставя все это, желаем с вашим вельможеством по-прежнему жить в любви. Изволь царскому величеству донести, чтоб запретил своим ратным людям чинить в городах всякие вымыслы, пусть живут по-прежнему, а если не перестанут, то чтобы больший огонь не встал, потому что, доколе живы, будем остерегать, чтобы наши права и вольности не умалились. В этом они напрасно головы свои ломают: им этого не удастся, как слепому в цель попасть; пусть монархи о том подумают, что человек начинает, а бог совершает».

Для разведания об убийстве Ладыженского Брюховецкий отправил есаула Федора Донца. 26 мая, в Троицын день, Донец приехал в Сечь; собралась рада, прочли лист гетманский и начали толковать. Запорожцы, которые вышли с восточной стороны Днепра, также и те, которые хотя и с западной стороны, но жили долго в Запорожье, накинулись на тех козаков, которые недавно пришли с Дорошенковой стороны: «Это от вас такое зло учинилось; а как вас не было, так у нас, в Запорогах, такого зла не бывало». Началась брань, кошевой подошел к Донцу и сказал ему: «Уходи-ка лучше к себе в курень, а то, неровен час, убьют». Козаки с западной стороны показывали бумаги, взятые у Ладыженского, и кричали: «Вот смотрите, что написано: московский государь с королем польским, с царем турским и с ханом крымским помирился, а для чего помирился? Разумеется, для того чтоб Запорожье снести. Вот почему мы Ладыженского и потопили!»

Покричали и разошлись, не решивши ничего. Старые козаки ворчали между собою в куренях: «Не знаем, что с этими своевольниками и делать; видишь, сколько их нашло! Нас и старших не слушают!» Кошевой, старшины и старые козаки рассказали Донцу, что пуший бунтовщик Страх, который Ладыженского потопил, был у них пойман и прикован к пушке, но, подпоив караульщика и прибыв его мало не до смерти, сломил с цепи замок и ушел. Он скрылся в крымском городе Исламе; но татары, признав в нем убийцу своих, повесили его.

Донец возвратился к Брюховецкому с грамотою от кошевого, в которой тот писал, что запорожцы сами рады бы были казнить преступников, совершивших такое злое дело, но их до сих пор в коше нет. Но при этом Васютенко давал знать гетману, что убийцы татарских гонцов могут быть извинены. «Собственные слова гонца, – писал он, – возбудили жалость и жестокий гнев в козаках: меня, говорил татарин, царское величество отпустил к хану с тем, чтобы вас, запорожских козаков, искоренить, ваше жилище разорить; уже вас больше щадить не будут». Кошевой не счел за нужное объяснить, кто же слышал эти слова крымского гонца, если убийцы его не явились в Сечь? Васютенко, выдавая эти слова за непреложно верные, распространялся по-прежнему в жалобах на московского государя, в жалобах, что на них с трех сторон сети закидывают. В заключение кошевой просил, чтобы царь простил запорожцев за убийство татар и Ладыженского, обещая за это стоять мужественно против всякого неприятеля.

И вот Брюховецкий действительно говорит Кикину, что государь должен простить запорожцев за это двойное убийство и грабеж казны: иначе кошевое войско, отобравшись от государевой руки, соединится с крымским ханом и с заднепровским гетманом Дорошенком «А я, – продолжал Брюховецкий, – буду стараться, чтобы по времени, не вскоре злодеев и заводчиков истребить». Донец рассказывал, что кошевой прямо ему говорил: «Если государь нас простит, то мы ради ему вперед служить; если же будет гневаться, то у нас положено, сложась с Дорошенком и татарами, пойдем воевать в государевы украинские города».

Но прежде всего нужно было разузнать, не поступают ли московские воеводы в самом деле дурно с козаками? Ряд жалоб подан был на полтавского воеводу, князя Волконского, за то, что он некоторых козаков поместил в число мещан и берет с них денежные и медовые оброки. Тот же Кикин отправился из Гадяча в Полтаву по этому делу, сравнил имена челобитчиков со сказкой Волконского и с переписными мещанскими книгами и нашел, что многие люди прозвищами не сошлись. Тогда он обратился к полтавскому полковнику Григорью Витязенку, чтобы тот выслал к нему всех челобитчиков на лице к допросу для подлинного розыска. «Выслать их к допросу нельзя, – отвечал Витязенко, – теперь пора рабочая, пашня и сенокос, козаки работы не кинут и не поедут; а иных многих козаков и в домах нет, живут на Запорожье. А что козаки прозвищами не сходятся, так это потому: у нас на Украине обычай такой, называются люди разными прозвищами, у одного человека прозвища три и четыре: по отцу и по тестю, по теще, по женам прозываются; вот почему одни и те же люди у воеводы в мужицком списке писаны прозвищами, а у нас, в полковом козацком списке, другими. Как были присланы в Полтаву из Москвы переписчики, и они писали многих козаков в мужики заочно, а козаки в то время были все со мною в походе под Кременчугом, а иные на Запорожье. Сам переписчик жил в Полтаве, а по уезду посылал писать подьячих, подьячие эти и писали козаков в мужики заочно и не расспрося подлинно, кто козак и кто мужик? А мужики им нарочно называли козаков мужиками для своей легкости, чтобы и козаки с ними заодно всякие поборы давали и подводывы выставляли».

Кикин стал осведомляться, справедливо ли было донесение воеводы на полковника; он обратился с вопросом об этом к протопопу Луке, и тот сказал: «Полковник с воеводою живет недружно, козакам и мещанам многим к князю Волконскому ходить заказывал; только ты, пожалуйста, меня не выдавай, чтоб мне от полковника гнева и гоненья не было». Вечером пришел к Кикину полковой судья Клим Чернушенко, разговорились, и от судьи пошли те же речи, что и от протопопа; но Чернушенко был разговорчивее, начал рассказывать про свое житье-бытье, что они терпят от полковника: «Нас, козаков, полковник Витязенко многим зневажает и бьет напрасно, а жена его жен наших напрасно же бьет и бесчестит; и кто козак или мужик упадет хоть в малую вину, и полковник его имение все, лошадей и скот берет на себя. Со всего Полтавского полка согнал мельников и заставил их на себя работать, а мужики из сел возили ему на дворовое строение лес, и устроил он себе дом такой, что у самого гетмана такого дома и строения нет; а город наш Полтава весь опал и огнил, и о том у полковника раденья нет; станем мы ему об этом говорить – не слушает! Мы уже хотим бить челом великому государю и гетману, чтобы Витязенку у нас полковником не быть. А приводят его на всякие злые дела жена его да писарь Ильяш Туранской; мы ему, писарю, не верим, потому что он с того боку Днепра; чтобы от него не было измены? Он сделал другую печать полковую и держал у себя тайно, без полковничья ведома». После этого Кикин начал разыскивать по селам насчет правильности в сборе податей. Оказалось, что в списках между мужиками были написаны и козаки, но козаки давние, которые козаковали во времена Хмельницкого и после тянули с мещанами заодно, когда же пришлось платить подати, то они и вспомнили о своем старом козачестве. Но кроме этого оказались действительные злоупотребления со стороны москалей: переписчики ездили по селам пьяные и брали деньги – по шагу и по два шага с человека: назначенный для сбора податей рейтарский прапорщик Должиков сам не сбирал, присылал своих денщиков, которые

сверх государева оброка брали еще себе по чеху с человека. Кикин учинил управу, за что Брюховецкий со всеми полтавскими козаками благодарил государя.

Чиня управу по козацким челобитным, чтобы отнять предлог к восстанию, в Москве сочли за нужное отправить увещательную царскую грамоту ко всем полкам Войска Запорожского. «Московские ратные люди, – говорилось в грамоте, – живут с вами в городах малороссийских не для того, чтобы наблюдать за вашею верностию, но для вашей защиты, на страх врагам вашим. Мы надеялись, что перемирие с польским королем будет принято у вас с особенною радостью, потому что вами началась война и прилагались христианские крови к вашей обороне; но вместо всенародной христианской радости объявилось в ваших городах нечаемое противление и страшная кровь. Где слыхано посланников побивать? У вас бесстрашные люди, на свою кровь наступив и забыв суд божий, такое преступное и нехристианское дело учинили и злую славу на весь свет пустили. Мы от вас как от верных подданных ожидали розыскания и отлучения преступных людей от правдивых христиан; но ныне с удивлением слышим, что у вас вопреки присяге и уставленным статьям смятение во всем поспольстве начинается, хотите раду чинить без нашего указа, а с какою мыслию – не знаем! Удержитесь от такого злого начинания! Огонь огнем не обычай людям тушить; пламень заливать надобно мирною водою, которую милосердый бог приумножил, сердечные сосуды и черпала подал в христианские руки наши: почерпая от этих спасительных струй, крововидный пламень военного огня заливать, и зноем оскорбления иссохшие людские сердца прохлаждать, и мирно напоять должно. У вас некоторые легкомысленные люди в злой путь гетману Дорошенку хотят последовать, а надобно было и самого Дорошенка напоминать единою купелью христианства; ей попекитесь о сем богоугодном деле!»

О богоугодном деле хотел попечья киево-печерский архимандрит Иннокентий Гизель: по обязанности иерейской Гизель умолял Дорошенка не мыслить о подданстве бусурманам, которые истребление христиан по закону своему во спасение себе вменяют; уговаривал покориться православному государю московскому. Московское правительство, с своей стороны, пеклось также о богоугодном деле: выпустили из плена брата Дорошенкова, Григория, за что гетман Петр в ноябре прислал царю благодарственную грамоту: «Проповедовал милость, хвалил незлобие, исповедовал неизреченное благодеяние, кланялся до лица земли со всяким смирением, обещал всякое радение, обещал не допускать никакого озлобления государевым людям».

Киевской воевода Шереметев послал сказать ему, чтобы он доказал благодарность свою на деле, отстал от татар, обратился к христианству и служил обоим великим государям – московскому и польскому. «За милость великого государя я желаю голову свою сложить, – отвечал Дорошенко, – только от татар отстать и под государевою рукою быть вскоре нельзя: будет у меня с королем на сейме договор в силу постановления с гетманом Яном Собеским, который обещал отдать мне Белую Церковь, но она до сих пор мне не отдана, и если Белой Церкви после сейма мне не отдадут, то я буду доступать ее сам». Боярский посланец требовал у Дорошенка, чтобы он не пускал татар за Днепр, на государевы малороссийские города. «О татарских замыслах я ничего не знаю, – отвечал Дорошенко, – а если татары и придут, то у них, и у меня, и у всего Войска Запорожского есть неприятель поближе государевых городов: служил я с козаками королю польскому много лет, и головы свои за него складывали, а выслужили то, что поляки церкви божии обратили в унию; король даст нам на всякие вольности привилегии и универсалы, а потом придет поляков и немцев, и те всякие вольности у нас отнимают и православных христиан, не только простых козаков, но и полковников, старшин бьют, мучат, берут с нас всякие поборы и во многих городах церкви божии обругали и пожгли, а иные обратили на костелы, чего всякому православному христианину терпеть невозможно, и мы за православную веру и за правды свои стоять будем. Я христианского кровопролития не желаю, а если я пошлю татар на государевы города, то пусть тогда разольется моя кровь;

если бы я служил государю столько же, сколько королю, то получил бы от царского величества милость; я под рукою великого государя быть давно желал, только меня прежде не призывали; а от татар мне вскоре отлучиться нельзя, потому что, прежде чем придут государевы полки на защиту, татары нас разорят. Татары мне беспрестанно говорили, чтобы идти разорять государевы малороссийские города, но я их удержал, боярину Шереметеву об осторожности против татар писал и впредь писать буду; быть под рукою великого государя желаю, боярства и ничего от него не хочу, хочу только государевой милости, чтобы козаки оставались при своих правах и вольностях. По Андрусовскому договору Киев надобно полякам отдать; но я со всем войском головы свои положим, а Киева полякам не отдадим».

Посланец виделся и с митрополитом Иосифом Тукальским, и с монахом Гедеоном (Юрием) Хмельницким, говорил им, чтоб они отводили Дорошенка от татар. Оба обещали. Все, Петр Дорошенко с братом Григорием, Тукальский и Хмельницкий, говорили посланному по секрету, что будут давать знать боярину Шереметеву о всяких тайных вестях непременно, за то что боярин оказывает к ним большую любовь, посланцам их честь великую воздаст, поит, кормит и подарками великими гетмана и посланцев его дарит.

Шереметев не жалел подарков, чтобы только задобрить опасного Дорошенка, от которого теперь зависело спокойствие Восточной Украины, именем которого волновались запорожцы. В Москве Ордин-Нащокин зорко следил за Чигирином; он отправил в Переяславль стряпчего Тяпкина для свидания с Григорием Дорошенком, для склонения гетмана Петра отстать от татар и быть под рукою великого государя, ибо соединение с Польшею для него более уже невозможно. Тяпкин сообщал Нащокину, что Тукальский уговаривает Дорошенка поддаться московскому государю, думая чрез это добиться митрополии Киевской, а епископ Мефодий рад бы и не слышать о Тукальском, не только видеть его, точно так как Брюховецкий не хочет слышать о Дорошенке, боясь лишиться чести своей. Мещане и козаки, особенно черный народ по обеим сторонам Днепра, очень любят и почитают Тукальского и Дорошенка. «Да будет известно, – писал Тяпкин Нащокину, – что печерский архимандрит с Тукальским великую любовь между собой и в народе силу имеют. Хорошо было бы обвеселить архимандрита милостивою государевою грамотою и твоим боярским писанием, которого он безмерно желает, также бы отписать и к прочим игумнам и братии киевских монастырей, потому что чрез них может всякое дело состояться, согласное и развратное. В Переяславле нет верного и доброго человека ни из каких чинов, все бунтовщики и лазутчики великие, ни в одном слове верить никому нельзя. Одно средство повернуть их на истинный путь – послать тысячи три ратных людей: тогда испугаются и будут верны; а которые теперь ратные люди в Переяславле немногие, те все наги, босы, голодны и бегут от бедности розно. Хуже всего для меня то, что не могу верного человека приобрести из здешних, последнее бы отдал, да лихи лгать, божатся, присягают и лгут».

Но лгалось не в одном Переяславле, лгалось сильно в Чигирине, хотя здесь не было никакой нужды лгать по независимости положения. 1 января 1668 года Петр Дорошенко написал Тяпкину резкое письмо, что не может поддаться царю; причины к отказу можно было бы найти, но Дорошенко наполнил письмо лжами и клеветами, Богдан Хмельницкий, по словам Дорошенка, отдал Москве не только Белую Русь, но и всю Литву с Вольнью; во Львов (!) и в Люблин царских ратных людей ввел и многою казною учредил. Какая же благодарность! Послов гетманских московские комиссары в Вильне до переговоров не допустили! Выговского гетманом учредили и между тем подвигли на него Пушкаря, Безпалого, Барабаша, Силку! В Андрусовском договоре оба монарха советовали смирять, т. е. искоренять, козаков. Дорошенко решился даже упрекнуть московское правительство за возвращение Польше Белоруссии, вследствие чего здесь опять началось гонение католиков на церкви православные. Дерзость Дорошенка перешла наконец пределы, перешла в смешное, в шутовство: он спрашивает у Тяпкина: «На каком основании вы без нас решили одни города оставить, другие отдать, тогда как вы их приобрели не своею силою, но божиею помощью и нашим мужеством?» И в

то же самое время Дорошенко и брат его Григорий в сношениях с Тяпкиным беспрестанно повторяли, что они – подданные короля; но, провозглашая себя королевскими подданными, по какому праву выговаривали они московскому правительству за уступки земель в королевскую сторону? Этого мало: зная очень хорошо, что всем известно отступничество их от короля к султану, они решались утверждать, что настоящий союз их с ханом основывается на Гадячском договоре Выговского с Польшею, по которому козаки должны были находиться под властью королевскою и в союзе с татарами! Но когда нужно было похвастаться, показать свое значение, то все позабывалось, и начинали твердить, что Андрусовским перемирием Москва обязана им, козакам, ибо они с татарами напали на поляков и заставили последних спешить миром с Москвою. Такую страшную порчу произвели политические смуты, шатость в этих несчастных людях, заставили потерять уважение к самим себе, к своим словам!

Козаки никак не могли перевернуть Андрусовского перемирия не потому, что благодаря им же Москва должна была заключить его на условия кто чем владеет и отказаться от западного берега Днепра; но потому, что мир между двумя государствами, из которых каждое имело много причин негодовать на козаков, был опасен для последних; козаки подозревали соглашение обоих государств против себя, но не довольствовались высказываньем одних подозрений, а прямо уже утверждали, что соглашение действительно существует. Они отводили душу тем, что страшали Москву непродолжительностью мира. «Договор с польской стороны не будет исполнен, – говорил Григорий Дорошенко Тяпкину, – князья Вишневецкие, иные сенаторы и шляхта, которые имели в Малороссии города, местечки и села, теперь этих маестностей всех отбыли, а королю наградить их нечем, и оттого Польша должна будет нарушить мирный договор». Григорий Дорошенко не отставал от брата в вымышлении вин московского правительства относительно козаков. «Великий государь, – говорил он, – дал козакам право на гетманство и на всякие уряды выбирать своих природных козаков; а теперь у великого государя выбран в гетманы не природный украинский козак, также и полковники многие иноземцы, волохи и неприродные козаки, и Войско Запорожское от того в великом непостоянстве пребывает, а заднепровский гетман и старшие все природные козацьи дети. Да и от того многие бунты: по указу великого государя ныне гетмана учинят, грамоту, булаву и хоругвь вручат, а после другого гетмана втайне выберут, грамоту, булаву и хоругвь ему вручат, и вот эти гетманы – Выговский, Пушкаренко, Барабаш, Силка, Безпальый, Искра, желая каждый удержать данную себе честь, междоусобие в Войске Запорожском учинили. От неприродных гетманов и полковников прямые воры свободны, а верные слуги царские – Самко-гетман, Васюта Золотаренко, Аника черниговский – горькою смертью казнены».

Дерзость, упреки сменялись робостию, просьбами. Пронесся слух, что царь приедет в Киев на богомолье, и вот Григорий Дорошенко обратился с просьбою к Тяпкину: «Когда царское величество, даст бог, будет в Киеве с великими силами, тогда опасаемся накрепко и весь народ сильно ужасается, чтобы, надеясь на силы царского величества, поляки на нас не пошли войною; милости просим у великого государя, чтоб не позволил своему войску помогать полякам. Народы наши сильно боятся прихода царского величества в Киев, не верят, что молиться идет. А когда поляки одни на нас будут наступать и мы поднимем против них татар, то царское величество на нас не гневался бы и ратей своих на нас не посылал». Наконец Григорий Дорошенко объявил Тяпкину тайную статью: «Под высокодержавною рукою царского величества быть хотим, только бы у нас в городах и местечках воевод, ратных людей и всяких начальников московских не было, вольности наши козацкие и права были бы не нарушены и гетманом бы на обеих сторонах Днепра быть Петру Дорошенку, поборов и всяких податей с мещан и со всяких тяглых людей никаких не брать; а гетману Брюховецкому по милости великого государя можно прожить и без гетманства, потому что пожалован самую высокою честью и многими милостями».

Но, выговаривая себе у Москвы гетманство на обеих сторонах Днепра, Дорошенко вместе с Тукальским хлопотал об этом другим путем, поднимая восстание против Москвы и на восточном берегу, обманом побуждая к восстанию и самого Брюховецкого.

Мы видели, что те же самые опасения, какие высказывались в Чигирине относительно союза обоих государств против козаков, высказывались и в Запорожье, и мы видели, что запорожцы и все вообще казаки поведением своим спешили заставить московское правительство действительно смотреть враждебно на козачество. Легко понять, какое впечатление должно было произвести в Москве известие об убийстве крымских гонцов и потом об убийстве Ладыженского и о волнениях в целой Украине, а Брюховецкий писал, чтобы великий государь простил запорожцев, иначе будет плохо! Понятно, что после этого в Москве не могли встречать козацких посланцев с улыбающимся лицом и распростертыми объятиями. Так, присланный гетманом бунчужный пробыл в Москве только три дня, государевых очей не видал, отпущен ни с чем и, возвратясь, рассказывал, будто Ордин-Нащокин, отпуская его, сказал: «Пора уже вас к богу отпускать!» Афанасий Лаврентьевич, как человек порядка, любитель крепкой власти, действительно был не охотник до козаков, и козакам он был особенно неприятен и страшен, как виновник Андрусовского перемирия, сближения Москвы с Польшею, виновник того, что ненавистной шляхте, лишенной козаками земель в Украине, государь пожаловал миллион в вознаграждение; козакам представлялось, что Нащокин докончит свое дело, и вот между ними понесся слух, что Нащокин идет в Малороссию с большим войском – и какого добра ждать козакам от Нащокина?

Но все эти опасения, слухи и волнения между козаками не могли бы иметь важных последствий на восточном берегу Днепра, если бы в челе движения против Москвы не стал сам боярин и гетман, царского престола нижайшая подножка. Что же заставило боярина превратиться вдруг в козака, прямо выразить свое сочувствие Стеньке Разину?

Враг Брюховецкого, епископ Мефодий, находился в Москве в 1666 и начале 1667 года по Никоновому делу. Поведение Мефодия в Киеве по вопросу о митрополите и ожесточенная вражда его к гетману, столь противная спокойствию Малороссии и государственным в ней интересам, не могли не ослабить того расположения, каким прежде пользовался епископ в Москве. Хотя опыт и должен был научить здесь не верить всем доносам, приходившим из Малороссии, однако постоянные и сильные обвинения боярина и гетмана также не могли остаться без действия. Мефодий увидел перемену, чести ему прежней не было, попросил он однажды соболей – соболей не дали и при отпуске в Малороссию строго наказали: не продолжать смуты, помириться с гетманом. В сильном раздражении выехал преосвященный из Москвы, направляя путь в Гадяч, столицу гетманскую. Здесь уже знали о выезде Мефодия из Москвы; страшно стало боярину и гетману; и вот станица знатных козаков помчалась из Гадяча в Смелую, маетность Киево-Печерского монастыря, где жил в это время сам отец архимандрит Иннокентий Гизель: козаки везли приглашение архимандриту приехать в Гадяч, боярину и гетману очень нужно с ним видеться. Гизель испугался, жил он с гетманом в больших неладах; но делать нечего, не поедет, так козаки неволею повезут, поехал. «За что это вы на меня сердитесь и в Печерской святой великой лавре за меня бога не молитесь?» – встретил Брюховецкий Гизеля. «Зла тебе мы никакого не хотим, – отвечал тот, – а неласку твою видим: многократно мы писали к тебе с великим прошением слезным, что козаки лавру нашу Печерскую разоряют, в маетностях подданных бьют, коней и волов и всякий товар и хлеб грабят, меня и братью мою, иноков, людей честных бесчестят, бьют; ты учинил немилосердие, писание и слезное наше прошение презрел, и за такую к святой обители неласку твою мы за тебя бога не молили». «Правда, – сказал Брюховецкий, – козаки наделали много зла святой обители; я им верил, а теперь верить не стану. Слышу, что едет из столицы епископ Мефодий; до сих пор было у нас тихо, а как приедет, то не будет ли нам лиха? Поговори-ка ему, отец архимандрит,

чтобы он со мною помирился, зло укротил и жил в совете, чтобы во всем Малороссийском краю люди жили в покое и великому государю нашему чистыми сердцами работали».

Боярин и гетман напрасно беспокоился: Мефодий сам явился к нему с словом примирения, все старое было забыто, кроме старой дружбы, бывшей до 1665 года; и в знак новой дружбы дочь епископа сосватана была за племянника гетманского. Но гетман и епископ подружались и породнились не для того, чтобы чистыми сердцами работать царскому величеству: Мефодий передал свату все свое неудовольствие, все свое раздражение против неблагодарной Москвы, передал ему свои наблюдения, свои страхи, что Москва готовит недоброе для Малороссии. Но одними тайными разговорами с гетманом Мефодий не удовлетворялся. Из Гадяча поехал он в свой родной город Нежин и здесь в своем доме при гостях бранил вельмож и архиереев московских, в черном свете выставлял нравы тамошних людей, клялся, что никогда ноги его не будет в Москве. Те же речи начал он говорить у протопопа в присутствии воеводы царского Ивана Ржевского, так что воевода счел приличным для себя уйти, не дождавшись обеда Мефодий не скрывал причину своего неудовольствия на Москву: бесчестили его там, соболей и корму, сколько хотел, не давали. Но Мефодий, говоря о своей обиде, не забывал внушать, что обида готовится и всей Малороссии «Ордин-Нащокин, – говорил он, – идет из Москвы со многими ратными людьми в Киев и во все малороссийские города, чтобы все их высечь и выжечь и разорить без остатку». Речи эти дошли до Тяпкина в Переяславль, тот нарочно прискакал в Нежин, чтобы спросить у Мефодия, от кого это он слышал? Епископ сказал от кого: «Московские торговые люди, которые ездят с товарами в Литву и Польшу и потом приезжают в Малороссию, сказывают мещанам, что боярин Афанасий Лаврентьевич со многими ратными людьми идет в Малую Россию для отдачи Киева; а к гетману и ко мне в грамотах великого государя о Киеве и о малороссийских городах не объявлено, и мы с гетманом об этом очень скорбим и смущаемся». Мефодий дал знать и в Москву о слухах, что Киев и все украинские города уступлены ляхам, писал, что он объявляет об этом, видя во всем народе смятение и помня к себе великого государя милость. Шереметев, узнавши в Киеве о речах Мефодия, отправил к нему немедленно голову московских стрельцов Лопатина сказать, что все слухи, беспокоящие малороссиян, вздорные. «Великий государь, – говорил Лопатин, – учинил мир с королем для того, чтобы в его государственной стародавней дедичной отчине, в граде Киеве и во всех малороссийских городах, всякий человек в православии доброхотно жил в добром покое и веселии. Ныне великий государь хочет идти в Киев, поклониться его святыне, свою отчину, город Киев, осмотреть, малороссийские города и верного Войска Запорожского ратных людей и всех жителей своим пришествием увеселить и вовеки непоколебимых в вере и подданстве учинить; а боярина своего Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина изволил в малороссийские города послать наперед себя, как издавна государский чин належит: перед государским походом посылаются бояре и думные люди для заготовления запасов и для объявления всем о походе царском. А что бунчужный написал о словах боярина Ордина-Нащокина, и то дело нестаточное: боярин Афанасий Лаврентьевич человек умный, государских великих дел положено на нем множество, и таких слов не только что бунчужному вслух говорить, и тайно мыслить не будет; такие слова вместил какой-нибудь враг креста господня, сатанин угодник, ненавистник рода христианского. Тебе бы, епископу, слыша, что плутишка бунчужный такие слова вместил, разговаривать, что ничего такого быть не могло».

Но эти увещания не действовали. Мефодий писал Брюховецкому: «Ради бога, не оплошайся. Как вижу, дело идет не о ремешке, а о целой коже нашей. Чаять того, что честной Нащокин к тому привел и приводит, чтобы вас с нами, взяв за шею, выдать ляхам. Почему знать, не на том ли и присягнули друг другу: много знаков, что об нас торгуются. Лучше бы нас не манили, чем так с нами коварно поступать! В великом остерегательстве живи, а запорожцев всячески ласкай; сколько их вышло, ими укрепляйся, да и города порубежные людьми своими досмотри, чтобы Москва больше не засела. Мой такой совет, потому что утопающий и

за бритву хватается: не послать ли тебе пана Дворецкого для какого-нибудь воинского дела к царскому величеству? Чтобы он сошелся с Нащокиным, выведал что-нибудь от него и дал тебе знать; у него и своя беда: оболган Шереметом и сильно жалуется на свое бесчестие. Недобрый знак, что Шеремет самых бездельных ляхов любовно принимает и их потчивает, а козаков, хотя бы какие честные люди, за лядских собак не почитает и похваляется на них, да и с Дорошенком ссылается! Бог весть, то все не нам ли назло? Надобно тебе очень осторожну быть и к Нащокину не выезжать, хотя бы и манил тебя. Мне своя отчизна мила: сохрани бог, как возьмут нас за шею и отдадут ляхам или в Москву поведут. Лучше смерть, нежели зол живот. Будь осторожен, чтобы и тебя, как покойного Барабаша, в казенную телегу замкнув, вместо подарка ляхам не отослали!»

Брюховецкий не ограничился одною осторожностью: он прямо изменил, прямо поднял восстание против царя. Но неужели Мефодий так умел передать свое раздражение, свои опасения Брюховецкому, что тот по одним внушениям епископа решился сделать это? Нет сомнения, что Мефодий своими внушениями приготовил гетмана к измене, но окончательно Брюховецкий решился на нее по другим, более сильным побуждениям. Мы видели, какие замыслы питались на западном берегу Днепра, в Чигирине: Дорошенко хотел быть гетманом обеих сторон Днепра, Тукальский – митрополитом киевским и всей Малороссии. Тукальский был не прочь достигнуть своей цели и с помощью Москвы, и Дорошенко готов был называться гетманом царского величества, но старый соумышленник Выговского не хотел быть гетманом на условиях Брюховецкого, а других условий теперь трудно было получить от Москвы. И вот Дорошенко и Тукальский находят средство оторвать восточный берег Днепра от Москвы с помощью самого Брюховецкого. Тукальский завел переписку с последним, стал его обнадеживать, что Дорошенко уступит ему свою булаву и таким образом будет он, Брюховецкий, гетманом обеих сторон Днепра, но прежде всего он должен выжить из Украины воевод московских, отложиться от царя и отдаться под покровительство султана. Сам Дорошенко писал, что царь прислал к нему Тяпкина с призывом на гетманство восточной стороны Днепра. Брюховецкий не преодолел искушения, тем более что внушения Мефодия уже сделали свое дело: Брюховецкий, потакая Москве, возбудил против себя ненависть в козачестве, но какого добра ждать от Москвы? Об этом знает епископ Мефодий, об этом знает бунчужный; надобно выйти из тяжелого положения между двумя огнями, между ненавистью козацкою и замыслами московскими – и средство готово: поднявшись против Москвы, против воевод царских, Брюховецкий приобретал расположение козаков, Дорошенко откажется от гетманства, и Иван Мартынович засядет в столице Богдана Хмельницкого.

И вот гетман шлет за полковниками, зовет их на тайную раду; в Гадяч съехались: нежинский полковник Артема Мартынов, возведенный на место сверженного Брюховецким Гвинтовки, черниговский Иван Самойлович (будущий гетман), полтавский Костя Кублицкий, переяславский Дмитрий Райча, миргородский Грицко Апостоленко, прилуцкий Лазарь Горленко, киевский Василий Дворецкий. Была рада о том, какими мерами дело начать, как выживать Москву из малороссийских городов? Сначала полковники слушали Брюховецкого подозрительно, думали, что он этими словами искушает их; Брюховецкий заметил это и поцеловал крест, и полковники ему поцеловали.

Уже в конце 1667 года между козаками пущена была весть, что Брюховецкий больше не нижайшая подножка царского престола, и волнения начались. В Батурином и Батманском уездах козаки Переяславского полка начали разорять крестьян, бить их, мучить, править деньги и всякие поборы, вследствие чего уездные люди перестали давать деньги и хлеб в казну царскую. В январе 1668 года в Миргороде многие мещане записались в козаки и отказались платить подати в казну; приехал челядник Брюховецкого и запретил мельникам давать в казну хлеб. В Соснице нечего было взять с мещан и крестьян, которые от козацкого разоренья или разбрелись, или сами записались в козаки. То же самое произошло в Козелецком уезде. В При-

луках в большом городе стояла на площади вестовая пушка: полковой есаул велел пушку взять и поставить в проезжих воротах, и когда воевода прислал солдат взять пушку в верхний городок, то есаул бил солдат и пушки не дал. «Мы и из верхнего городка все пушки вывезем!» – кричал он. По его же наущению все мещане и поселяне перестали платить подати, и сборщикам нельзя стало появляться в уездах: им грозили смертью; козаки грабили мещан-откупщиков, резали им бороды и прямо говорили мещанам: «Будьте с нами, а не будете, то вам, воеводе и русским людям, жить всего до Масляницы». В Нежине откупщики были не из мещан, и тем сильнее сердились на них последние; но здешние мещане, довольные воеводою Ржевским, действовали законным путем, послали челобитчиков в Москву, чтоб государь хотя на один год льготою их пожаловал для уплаты долгов. «На арендовый откуп даны были грамоты самому городу, а теперь стрелец отпускает из наддачи, чиня великую обиду оплаканному месту; утвержденные грамотами доходы на ратушу: весчее, померное, с продажи лошадей, дегтярная торговля, табак и мельницы Авдеевские – все эти доходы стрелец Спицын с великою налогою выдирает. По жалованной грамоте, в случае большой неправды в суде, указано не звать магистрата к боярину и воеводе, но звать в Москву; а теперь киевский приказ все это разорил».

Но кто был виноват при тогдашней новости, неопределенности отношений? Челобитчики указали любопытный случай: в гостях у троцкого попа Ильи нежинский мещанин Петрушка Сасимов учинил досадительство неведомо какое райце Гавриле Тимофееву; райца начал ему говорить: «Изневажил ты жену мою, а теперь и меня изневажаешь, буду на тебя права просить!» А Петрушка, показав ему кукиши, сказал: «Вот вам на ваше право!» Тут был бурмистр Яков Жданов; обиделся он таким поруганием праву и пошел донести об этом в съезжей избе воеводе. Воевода отдал Петрушку на суд в ратушу; но Петрушка отправил жену в Киев к боярину Шереметеву с челобитьем, и тот велел взять в Киев бурмистра и райцу; сидели они в приказе в оковах больше двух недель, да за порукою выжили в Киеве 12 недель, суда и очной ставки ни с кем не было а взяли за правожом в съезжей избе 220 рублей неведомо за что. Из Москвы была послана немедленно грамота в Киев, чтобы Шереметев разъяснил дело да чтобы не велел брать в Киев из Нежина ратушных людей по челобитьям. Нежинцы били также челом, чтобы государь велел еще оставить у них воеводу Ржевского, потому что он человек добрый, живет с ними, бога боясь, никаких бед, разоренья и воровства не допускает. И в то же время били челом на черниговского архиепископа Лазаря Барановича, что великую им горесть учинил, отнял два села.

В конце января Шереметеву в Киев дали знать, что в Чигирине была рада, сошлись – Дорошенко, митрополит Тукальский, Геден Хмельницкий, полковники, вся старшина, послы крымские, монах, присланный от Мефодия, и посол от Брюховецкого. Дорошенко не вытерпел и начал говорить последнему: «Брюховецкий человек худой и не породный козак, для чего бремя такое великое на себя взял и честь себе, которой недостоин, принял? И козаков отдал русским людям со всеми поборами, чего от века не бывало». «Брюховецкий это сделал поневоле, – отвечал посланный, – взят он был со всею старшиною в Москву». Дорошенко притворился удовлетворенным этим ответом и со всею старшиною утвердил: по обе стороны Днепра жителям быть в соединении, жить особо и давать дань турецкому султану и крымскому хану, как дает волошский князь; турки и татары будут защищать козаков и вместе с ними ходить на московские украины. Послышался голос монаха Хмельницкого: «Я все отцовские скарбы откопаю и татарам плату дам, лишь бы только не быть под рукою московского царя и короля польского; хочу я монашеское платье сложить и быть мирским человеком». На той же раде положили: в малороссийских городах царских воевод и ратных людей побить. Были на раде и послы от Запорожья, они присягнули за свою братью быть под властью Дорошенка. Татары уже стояли под Черным лесом: Дорошенко хотел часть их отправить с братом на Польшу, а с другою частию идти сам на московские украины.

Когда в Москве из отписок Шереметева узнали о волнениях в Малороссии, то к Брюховецкому в начале февраля пошла царская грамота: «Козаки не дают денег и хлеба на раздачу нашим служилым людям: воеводы писали к тебе об этом, а ты не веришь и от своевольства козаков не удерживаешь, в своих волях бесстрашно чернь пишут в козаки, а наших ратных людей голодом и всякою теснотою морят, чтобы и остальные от нужды разошлись. Гонцы наши малороссийскими городами с великою нуждою проезжают, в подводах им отказывают, во всем чинятся непослушны и бесстрашны. Смотреть за козаками ваша гетманская обязанность, также полковников и всей старшины, которые многою нашею милостию пожалованы, а преступления их все забыты. Ты в письме своем называешься верного Войска гетман, и неотлучно житье твое с козаками, а в противных делах не сдерживаешь: и та верность не против обещания, надобно держать ее на деле, а не на языке; которые устами чтут, а сердца их отстоят далече, таким судит бог. Знатно по таким козацким своевольным делам явное отступление не только от подданства нашего, но и от веры христианской: отступив от бога жива и от обороны христианской, предаются бусурманам в вечное проклятельство. Думают, что Киев будет уступлен в польскую сторону, и за то прежде времени под злое бусурманское иго поддаются, а не рассудят, что до того времени души христианские спаслись бы от крови и от плену бусурманского: верным христианам годится ли такое злое убийство брать на свои души? Для обнадежения христианских людей и для приведения к истине злых послан к вам с надежным объявлением дворянин Желябужский, который прочтет вам и полковникам договорные посольские статьи с королем польским; вы бы, согласившись с епископом Мефодием, с полковниками и старшиною, съехались в одно место, говорили и малодушных утверждали духом кротости, а об отдаче Киева никакого бы смутного помышления христианские народы не имели: даст бог, дойдет впредь миром христианским к успокоению безо всякого оскорбления. В войну, многие убытки приняв, Украйны мы не отступились! А если малодушные волнуются за то, чтоб нашим воеводам хлебных и денежных сборов не ведать, хотят взять эти сборы на себя, то пусть будет явное челобитье от всех малороссийских жителей к нам, мы его примем милостиво и рассудим, как народу легче и богу угоднее. Мы указали собирать поборы с черни полковникам с бурмистрами и войтами по их обычаям, без всякого оскорбления, и давать служилым людям на корм и платье, а воеводам сборщиков от себя не посылать. А которых посыльных своих с письмами станешь к нам впредь посылать, то выбирай разумных и верных людей, а не таких, что твой бунчужный, который вместо нашей государской милости ненавистные дурные речи в народ внес».

6 февраля написана была эта грамота, а 8-го боярин и гетман уже начал свое дело в Гадяче. В этот день воевода Огарев и полковники московского войска, по обычаю, пришли к гетману на двор челом ударить Брюховецкий был дома, но не сказался; вышел из хором карлик Лучка и сказал: «Гетман пошел молиться в церковь под гору». Огарев послал денщика к церкви проведать про гетмана; посланный никого там не нашел, и Огарев отправился к обедне, а полковники по домам. В половину обедни Брюховецкий присылает за полковником Яганом Гульцом и говорит ему: «Пришли ко мне из Запорог кошевой атаман да полковник Соха с козаками, говорят: не любо нам, что царские воеводы в малороссийских городах и чинят многие налоги и обиды; я к царскому величеству об этом писал, но ответа не бывало; так вы, полковники, из городов выходите». «Пошли за воеводою и за моими товарищами», – сказал на это немец Брюховецкий стал бранить воеводу: «Если вы из города не пойдете, то козаки вас побьют всех!» – кричал он. Немец испугался и сказал: «А если мы пойдем из города, то ты не вели нас бить». Брюховецкий перекрестил лицо и сказал: «От козаков задоров не будет, только вы выходите смиренно». Гулец отправился к воеводе и объявил ему о своем разговоре с гетманом. Воевода пошел к Брюховецкому: тот сначала долго не выходил, наконец вышел и стал говорить, чтоб выбирались вон из города. Огарев объявил своим ратным людям, что надобно выходить, потому что против козаков стоять не с кем, всего московских людей с 200 человек, и крепости никакой в городе нет. Русские люди собрались и пошли, подходят к воро-

там – заперты, стоят у них козаки; Гульца с начальными людьми выпустили, но стрельцов, солдат и воеводу остановили; Иван Бугай бросился на Огарева, козаки – на ратных людей. Воевода с немногими людьми пробился было за город, но козаки догнали его, догнали и Гульца с товарищами, те отбивались, сколько было сил, но козаки одолели; 70 человек стрельцов и 50 солдат пало под ножами убийц, человек 30 стрельцов успели уйти из города, но перемерзли по дороге, 130 начальных и лучших служилых людей было захвачено козаками в плен, воевода Огарев ранен в голову и положен лечиться к протопопу, лекарем был цирюльник; не пощадили и жену воеводы: в поругании водили ее простоволосую по городу и, отрезав одну грудь, отдали в богадельню. Покончив с Москвою у себя в Гадяче, Брюховецкий разослал листы по всем другим городам с увещанием последовать его примеру: «Не с нашего единого, но с общего всей старшины совета учинилось, что мы от руки и приязни московской отлучились по важным причинам. Послы московские с польскими комиссарами присягою утвердились с обеих сторон разорять Украину, отчизну нашу милую, истребив в ней всех жителей, больших и малых; для этого Москва дала ляхам на наем чужеземного войска четырнадцать миллионов денег. О таком злом намерении неприятельском и ляцком узнали мы чрез духа свят. Спасаясь от гибели, мы возобновили союз с своею братьею. Мы не хотели выгонять саблю Москву из городов украинских, хотели в целости проводить до рубежа: но москали сами закрытую в себе злость объявили, не пошли мирно дозволенною им дорогою, но начали было войну; тогда народ встал и сделал над ними то, что они готовили нам: мало их ушло живых! Прошу вас именем целого Войска Запорожского, пожелайте и вы целости отчизне своей, Украине, промыслите над своими домашними неприятелями, т. е. москалями, очищайте от них свои города: не бойтесь ничего, потому что с братьею нашею той стороны желанное нам учинилось согласие, если нужно будет, не замедлят вам помочь, также и орда в готовности, хотя не в большой силе, на той стороне».

Пошла из Гадяча грамота и на Дон: «Обман ляцкий и злоба развращенная правоверных бояр едва меня и все Войско Запорожское в густо связанные сети не уловили. Жалуюсь на них перед вами, братьями моими, и перед всем главным рыцарским войском, подавая вам к рассуждению сию вещь: праведно ли Москва сотворила, что с древними главными врагами православного христианства, ляхами, побратавсья, постановили православных христиан, на Украине живущих, всякого возраста и малых отрочат мечом выгубить, слобожан, захватив, как скот, в Сибирь загнать, славное Запорожье и Дон разорить и вконец истребить, чтобы на тех местах, где православные христиане от кровавых трудов питаются, стали дикие поля, зверям обиталища, да чтобы здесь можно было селить иноземцев из оскуделой Польши. Бояре московские, помогая разоренным ляхам, дали им четырнадцать миллионов денег и вечную дружбу присягою утвердили не для чего иного, думаю, как для того только, чтоб выбиться из-под царской руки, чтобы могли как в Польше, ляцким обычаем, и городами владеть, потому что в Польше сенаторы все королями и одного господином иметь не хотят; поэтому всех невинных людей и начальника, богом данного, к нищете и хлопотам приводят, а наконец, и сами к пагубе приходят. Мы великому государю добровольно и без всякого насилия поддались потому только, что он царь православный: а московские царьки, бояре безбожные, усуетовали присвоить себе нас в вечную кабалу и неволю; но всемогущая божия десница, уповаю, освободит нас. Подаю вам к рассуждению: Москва, взявши перемирие с ляхами, жидов и других иноверцев-пленных, которые покрестились и поженились на Москве, отпускала в Польшу, а те, как только вышли из Москвы, крест святой бросили и стали держать веру своим древним поганым обычаем: праведно ли это? А нашу братью, православных христиан, никак освободить не хотят, но еще в большую кабалу и беду ведут. Жестокостию своею превосходят они все поганые народы, о чем свидетельствует самое поганское их дело: верховнейшего пастыря своего, святейшего отца патриарха, свергли, не желая быть послушными его заповеди; он их учил иметь милость и любовь к ближним, а они его за это заточили; святейший отец наставлял их, чтобы не при-

совокуплялись к латинской ереси, но теперь они приняли унию и ересь латинскую, ксендзам в церквах служить позволили, Москва уже не русским, но латинским письмом писать начала; города, которые козаки, саблею взявши, Москве отдали, ляхам возвращены, и в них началось уже гонение на православных. Вы, братья моя милая, привыкли при славе, победе и вольности пребывать: порадейте, господа, о золотой вольности, при которой все богатства бог подает, и не прельщайтесь обманчивым московским жалованьем. Остерегаю вас: как только нас усмирят, станут промышлять об искоренении Дона и Запорожья. Их злое намерение уже объявилось: в недавнее время под Киевом в городах Броворах, Гоголеве и других всех жителей вырубали, не пощадив и малых деток. Прошу вторично и остерегаю: не прельщайтесь их несчастною казною, но будьте в братском единомыслии с господином Стенькою, как мы находимся в неразрывном союзе с заднепровскою братьею нашею».

Дон не тронулся на призыв Брюховецкого, ибо, к счастью для Москвы, силы голутьбы с господином Стенькою были отвлечены на восток; но козачество Малороссийской Украины поднялось против государевых ратных людей. Еще 25 января черниговский полковник Иван Самойлович (будущий гетман) с козаками и мещанами осадил в малом городе царского воеводу Андрея Толстого, покопав кругом шанцы. 1 февраля к Толстому явился священник с предложением от Самойловича выйти из города, потому что гетман Брюховецкий со всею Украйною отложился от государя, присягнул хану крымскому и Дорошенку. В ответ Толстой сделал вылазку, зажег большой город, побил много осаждающих и взял знамя. 16 февраля воеводе подали грамоту от самого гетмана Боярин и гетман царского величества писал приятелю своему Толстому, что все верное Войско Запорожское и весь мир украинский умыслили изо всех городов выпроводить государевых ратных людей, потому что они жителям великие кривды и несносные обиды починили; Брюховецкий предлагал также приятелю своему выйти из Чернигова, оставивши наряд, по примеру воевод – гадяцкого (!), полтавского и миргородского. Толстой не принял приятельского предложения. Воеводы: сосницкий Лихачев, прилуцкий Загряжский, батуринский Клокачев, глуховский Кологривов были взяты козаками. В Стародубе погиб воевода князь Игнатий Волконский, когда город был взят козацкими полковниками – Сохою и Бороною. В Новгороде-Северском сидел воевода Исая Квашнин; несколько раз присылали к нему козаки с предложением выйти из города. «Умру, а города не отдам», – отвечал воевода. 29 февраля на рассвете явились к нему три сотника с тем же предложением; Квашнин велел убить посланных; рассвирепевшие козаки полезли на приступ и взяли город, но воевода, прежде чем сам был сражен пулею из мушкета, отправил на тот свет более десяти козаков; рассказывали, что Квашнин хотел убить свою жену, ударил ее саблею по уху и по плечу, но удар не был смертельный: судьба жены воеводской в Гадяче объясняет поступок Квашнина. К Переяславлю и Нежину козаки делали по два приступа, но понапрасну. К Остру приступил полковник Василий Дворецкий, но не мог взять города благодаря помощи, присланной из Киева Шереметевым. Но положение самого Шереметева было незавидное. Донося, что в Остре, Переяславле, Нежине и Чернигове ратные люди храбро отбиваются от козаков, Шереметев писал государю: «Только в городах скудость большая хлебными запасами, беда, если засидятся долго! Изменники везде поставили заставы крепкие, в Киев и из Киева мещан для покупки хлебной никуда не пропускают, и если возьмут Остер, то Киеву еще больше тесноты будет. В Киеве в казне денег нет ничего, и хлебных запасов скудость великая, на март месяц мы роздали хлеба ратным людям в половину меньше прежнего, апрель кой-как прокормили с большою нуждою, а потом, если лошадей станут есть, то больше как на два месяца не хватит. Дорошенко дожидается татар и сейчас с ними нагрянет под Киев, а у нас ратных людей мало, да и те наги, голодны и скудны вконец, многие дня по три и по четыре не едят, а Христовым именем никто не даст».

В это время в Варшаве находился московский посланник Акинфов. Узнав о малороссийских событиях, он потребовал у сенаторов, чтобы согласно с условиями король высылал

свое войско на бунтовщиков на помощь войскам царским. «Обманы их козачьи нам уже знакомы, – отвечали сенаторы, – и теперь писал Дорошенко к гетману Собескому, чтобы войск коронных король посылать не велел, а он, Дорошенко, сделает так, что обе стороны Днепра будут за королем. Но это явный обман: будто королевскому величеству радеет, а сам турку уже давно поддался; также и той стороны козаков бунтует, чтобы и их поддать турку. Поэтому надобно хана теперь как-нибудь приласкать, чтоб он к ним не пристал. Король послал универсалы к гетманам коронному и литовскому, чтобы собирали войска и ссылались с царскими воеводами». Литовский гетман Пац говорил присланному к нему подьячему Полкову: «Надобно обоим великим государям, совокупя войска, высечь и выжечь всех изменников-черкас, чтобы места их были пусты, потому что они обоим государям присяги никогда не додерживают, да и вперед от них никогда доброго не чають; а что они султану турецкому поддались, то султану ежегодно защищать их за дальностию трудно, а царскому и королевскому величеству их, собак, сгубить можно». Сам Ян-Казимир писал царю, что он велел гетману коронному вести свои войска для соединения с войсками царскими, и просил, чтобы часть русских полков переправилась на западную сторону Днепра, ибо надобно опасаться волохов. Все ограничилось одними обещаниями со стороны Польши; надобно было управляться своими силами. В апреле царские воеводы князь Константин Щербатый и Иван Лихарев поразили козаков под Почепом, в июне под Новгородом-Северским и на возвратном пути к Трубчевскому разорили много сел и деревень, верст по двадцати около дороги. Князь Григорий Григорьевич Ромодановский облегал своими войсками города Котельву и Опошню.

Что же Брюховецкий? Ему было не до Ромодановского. Полковники восточной стороны не любили его и прежде, а теперь еще более возненавидели, потому что он окружил себя запорожскою чернью и дал ей волю: запорожцы что хотели по городам, то и творили. Полковники призывали Дорошенка; тот вместе с Тукальским послал сказать Брюховецкому, чтоб привез свою булаву к нему и поклонился, а себе взял бы Гадяч с пригородами по смерти. Рассвирепел обманутый Брюховецкий, сейчас же порвал все сношения с Чигирином, начал хватать дорошенковых козаков и отправил посланцев в Константинополь, поддаваясь султану. 2 апреля приехали в Адрианополь, где жил тогда султан Магомет, полковник Григорий Гамалея, писарь Лавринко, обозный Беспалый и били челом, чтоб гетману Брюховецкому и всем черкасам быть под султановою рукою в вечном подданстве, только бы с черкас никаких поборов не брать, да указал бы султан оберегать их от царя московского и от короля польского. В Гадяч явилась толпа татар под начальством Челибея для принятия присяги. Брюховецкий должен был дать гостям 7000 золотых червонных, а Челибею подарил рыдван с конями и коврами да двух девок русских. Вместе с татарами выступил Брюховецкий из Гадяча против государевых ратных людей и остановился под Диканькою, сжидаясь с полками своими, как вдруг пришла весть о приближении Дорошенка. Кручина взяла Ивана Мартыновича: он стал просить татар, чтобы велели Дорошенку удалиться на свою сторону. Но татары не вступились в дело и спокойно дожидались, чем оно кончится. Сперва явились к Брюховецкому десять сотников с прежним предложением от Дорошенка – отдать добровольно булаву, знамя, бунчук и наряд. Брюховецкий прибил сотников, сковал и отослал в Гадяч; но на другой день показались полки Дорошенковы, и, как скоро козаки обеих сторон соединились, раздался крик между старшиною и чернью: «Мы за гетманство биться не будем! Брюховецкий нам доброго ничего не сделал, только войну и кровопролитие начал!» И тотчас побежали грабить возы восточного гетмана Дорошенко послал сотника Дрозденка схватить Брюховецкого и привести к себе. Иван Мартынович сидел в палатке своей, в креслах, когда вошел Дрозденко и взял гетмана под руку; но тут запорожский полковник Иван Чугуй, верный приятель Брюховецкого, безотлучно находившийся при нем с начала его гетманства, ударил Дрозденка мушкетным дулом в бок так, что тот упал на землю. Это, однако, не спасло Брюховецкого: толпы козаков восточной стороны с криками и ругательствами ворвались в шатер, схватили гетмана и потащили его к Дорошенку.

«Ты зачем ко мне так жестоко писал и не хотел добровольно булавы отдать?» – спросил его Дорошенко. Брюховецкий не промолвил ни слова. Не добившись никакого ответа, Дорошенко дал знак рукою – и толпа бросилась на несчастного, начали резать на нем платье, бить ослопьем, дулами, чеканами, рогатинами, убили как бешеную собаку и бросили нагого. Чугуй храбро защищал его и тут, но ничего не мог сделать один с немногими товарищами. Дорошенко уверял Чугуя, что вовсе не желал смерти Брюховецкого. Его самого чуть было не постигла та же участь: вечером козаки обеих сторон, подпивши, зашумели, стали кричать, что надобно убить и Дорошенка, тот едва утишил их, выкативши несколько бочек горелки, а ночью со всею старшиною выехал для осторожности на край обоза. Тело Брюховецкого велел он похоронить в Гадяче, в построенной им церкви (июнь 1668 г).

Покончив с соперником и провозгласивши себя гетманом обеих сторон Днепра, Дорошенко двинулся к Котельве, которую осаждал боярин князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Воевода отступил, Дорошенко его не преследовал и возвратился в Чигирин, взявши имение Брюховецкого и артиллерию войсковую (сто десять пушек), пограбивши всех, на которых ему указали, как на богатых людей. Москва вследствие измены Брюховецкого потеряла 48 городов и местечек, занятых Дорошенко, 144000 рублей денег, 141000 четвертей хлебных запасов, 183 пушки, 254 пищали, 32000 ядер, пожитков воеводских и ратных людей на 74000. На восточной стороне Дорошенко оставил наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Игнатовича Многогрешного. Но как скоро гетман покинул восточный берег, то здесь повторилось то же самое явление, какое мы видели после Конотопа и Чуднова: восточная сторона потянула к Москве; князь Ромодановский собрался с значительными силами и начал наступательное движение; наказной северский гетман, как назывался Многогрешный, не имел сил ему противиться, да и под чьим знаменем он стал бы оказывать это сопротивление? Сначала он послал к Дорошенку с просьбою о помощи, но получил ответ: «Пусть сами обороняются!» Ромодановский взял приступом новое место в Чернигове; не надеясь спасти старого места, Многогрешный вступил в переговоры с царским воеводою. 25 октября приехали в Москву нежинский протопоп Симеон Адамович, брат наказного гетмана Василий Многогрешный да бывший нежинский полковник Матвей Гвинтовка. Они объявили, что князь Ромодановский отправил их вместе с сеунщиками, сыном своим князем Андреем, Скуратовым, Толстым из обоза, из-за Белой Вежи; но на дороге напали на них татары и захватили в плен сына Ромодановского с товарищами Малороссиян стали спрашивать порознь: Гвинтовка сказал, что до измены Брюховецкого сидел у него в Гадяче скован, а на его место был поставлен в полковники Артема Мартынов; когда начали государевых людей побивать, то его, Гвинтовку, перевели в Нежин за караулом; а когда Брюховецкого убили, то его освободили; в то же время в Веприке освободили из заключения Василия Многогрешного, который сидел в тюрьме за то, что жену свою побил и та с побоев умерла. Оба – Гвинтовка и Василий Многогрешный поехали в местечко Седнево к гетману Демьяну Многогрешному и стали ему говорить, чтобы учинился в подданстве у царского величества по-прежнему. Демьян обрадовался этому совету и отпустил их в полк к князю Ромодановскому; в той же думе с ними был и стародубский полковник Петр Рословченко. Когда они приехали к Ромодановскому, то между ним и Демьяном пошли пересылки, и кончилось дело тем, что Демьян и Рословченко в присутствии двоих московских полковников, присланных Ромодановским, поцеловали крест, а потом в городе Девиче Демьян имел свидание с Ромодановским Гвинтовка прибавил к своим показаниям: «Слышал я от полковников, Демьяна и Рословченка, и от иных, чтобы у них вперед в войске гетман был данный от царского величества, а не избранный козаками; если государевы ратные люди станут под черкасские города подступать и промысл чинить, то города все станут сдаваться».

Рассказавши свои похождения, Гвинтовка и Василий Многогрешный объявили, что Демьян Многогрешный и Рословченко приказывали им накрепко домогаться царской милостивой обнадеживательной грамоты да особо от патриарха московского прощальной грамоты

в нарушении крестного целования. Как скоро они возвратятся к Демьяну и Рословченку, то немедленно к царскому величеству придут козацкие послы, чтобы государь изволил быть у них гетману русскому с войском, и стоять ему в Коробове, а козаки будут кормить царское войско всяким довольством. Доходы бы государь указал собирать с полков оптом, а не так, как до сего времени было: у кого и не было, и на тех правила; а они сами между собою обложатся, что с которого полка дать; обо всех этих статьях Демьян и Рословченко уже говорили с князем Ромодановским.

В то время как Многогрешный и Гвинтовка рассказывали в Москве такие приятные новости, приходит грамота от черниговского архиепископа Лазаря Барановича, из которой нельзя было заключить о такой безусловной покорности наказного гетмана и о желании видеть над собою русского гетмана, данного царским величеством. Мы видели, что Лазарь был одно время блюстителем Киевской митрополии и был сменен в этом звании Мефодием. Чтобы понять характер политической деятельности Лазаря, надобно припомнить, за какие главные интересы шла борьба в стране. Мы видели, что интерес войска или козачества рознился с интересом городского народонаселения. Старшина козацкая стремилась к тому, чтоб вся власть находилась в ее руках и чтобы над нею было как можно менее надзора со стороны государства: отсюда сильное нежелание видеть царских воевод в городах малороссийских. Иначе смотрело на дело городское народонаселение: ему тяжело приходилось от козаков и полковников их, и потому оно искало защиты у царских воевод и от врагов внешних, и от насилий полковничьих. Духовенство относительно этих двух стремлений не могло сохранить единства взгляда: взгляд архиереев, властей был отличен от взгляда городского белого духовенства. Архиереи сочувствовали стремлению старшины козацкой: для них важно было, чтобы страна удержала как можно более самостоятельности в отношении к Московскому государству, ибо эта самостоятельность обуславливала их собственное независимое положение. Оставаться в номинальной зависимости от константинопольского патриарха, а не подчиняться патриарху московскому, который не захочет ограничиться одною тенью власти, – вот что было главным желанием малороссийских архиереев; интересы их, следовательно, были тождественны с интересами старшины козацкой. Напротив, городское белое духовенство, по самому положению своему тесно связанное с горожанами, разделяло стремления последних, и это не случайность, что протопоп городского собора, лицо тогда очень важное, является в Москве представителем горожан, доносит великому государю о их желании видеть у себя воевод. С таким характером мы видели нежинского протопопа Максима Филимонова; теперь с таким же характером является другой протопоп, Симеон Адамович. Но архиерей черниговский Лазарь Баранович и прежде являлся в глазах московского правительства человеком, холодным к его интересам, и теперь, принимая на себя роль посредника, примирителя, он хлопочет, однако, о том, чтобы требования старшины козацкой относительно вывода воевод были исполнены. Лазарь умолял царя простить преступных козаков: «Аще есть род строптив и преогорчеваая, но ему же со усердием похощет работати, не щадя живота работает. Ляхи под Хотинем и на различных бранех силою их преславная соделаша; род сицев иже свободы хошет, воинствует не нуждою, но по воли; ляхи к каковой тщете приидоша, егда их Войско Запорожское остави? Ныне видят и различными образы их утверждают, но большее усердие их к вашему царскому пресветлому величеству, но от одних воевод, с ратными людьми в городех будучих, скорбят, и весь мир, сущим воеводам в городах украинских, одне в Литву, а иные в Польшу итить готовы, подущение всегдашнее от варвар имеют; свободою убо, ею же Христос нас свободи, помазаниче божий, пресветлый царю, их свободи, да стоят на свободе их укрепи, да истинно тебе поработают и от варвар отлучатся всяко! На знамение обращения своего Демко Игнатович, гетман северский, плененных отпускает. Яко жена кровоточивая, егда коснуся края риз Христовых, ста ток крови ея: сице егда Войско Запорожское со смирением припадает и касаетя края риз вашего пресветлого царского величества чаю яко станет ток крови». Баранович переслал в Москву письмо к себе

Многогрешного, где высказаны были условия, на которых козаки могли снова подчиниться царю. «Посоветовав с полками сей стороны Днепра, при каких вольностях хотим быть, ведомо чиню, – пишет Многогрешный, – когда великий государь нас, своих подданных, захочет при прежних вольностях покойного славные памяти Богдана Хмельницкого, в Переяславле утвержденных, сохранить и нынешних ратных людей своих из городов наших всех – Переяславля, Нежина, Чернигова – вывести, тогда изволь, ваше преосвященство, написать царскому величеству: буде нас по милости своей примет, вольности наши сохранит и, что учинилось за подушнем Брюховецкого, простит (а то учинилось от насилия воевод и отнятия вольности Войска Запорожского), то я готов с полками сей стороны Днепра царскому величеству поклониться и силы наши туда обратить, куда будет указ царский. Если же царское величество нашу службу возгнушается, то мы при вольностях наших умирать готовы: если воеводы останутся, то хотя один на другом помереть, а их не хотим». В ответ на все эти грамоты к Барановичу и Многогрешному отправлены были в ноябре грамоты из Москвы: государь объявлял прощение козакам и удостоверял их в своей милости: никаких условий или более определенных обещаний не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.